

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕРМИНОВ «МУХАДЖИР» И «МУХАДЖИРСТВО» В ОТНОШЕНИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ МИГРАНТОВ И МИГРАЦИЙ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ XIX – НАЧАЛА XX В.

Г.В. Чочиев

Термины «мухаджиры» и «мухаджирство», примерно с середины XX в. использующиеся в отечественном историческом кавказоведении в значениях, соответственно, переселенцев и переселений с Северного Кавказа в Османскую империю, вызывают вместе с тем определенные нарекания части специалистов прежде всего ввиду предположительно присущего им религиозного содержания и тем самым акцентирования добровольного (исламски мотивированного) характера миграции. В статье предпринята попытка рассмотрения истории функционирования и специфики семантизации данных лексем в османо-мусульманском и российском дискурсах с целью прояснения вопроса о степени их соответствия возлагаемой на них в академической литературе роли. Констатировано, что арабизм «мухаджир», обозначавший в турецком языке переселенцев в весьма широком смысле, но при этом факультативно указывавший также на религиозный и/или вынужденный характер перемещения, с середины XVIII в. преимущественно применялся к мигрантам с утраченных Портой территорий, в том числе северокавказских, в центральные области государства. Предположено, что принятие слова в качестве самоназвания горцами-переселенцами происходило в процессе их интеграции в османское общество как иммигрантов-мухаджиров и формирования соответствующей идентичности, в то время как его распространение в северокавказском и российском обиходе явилось результатом позднейшего импортирования через контакты мухаджиров со страной своего происхождения. Сделан вывод о том, что термины «мухаджир» и «мухаджирство» остаются вполне состоятельными и функциональными зонтичными дефинициями для описания указанной миграционной мобильности, более же точная квалификация отдельных этапов и этнолокальных версий горского исхода должна осуществляться посредством углубленного анализа каждой из них.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Османская империя, миграция, мухаджиры, мухаджирство, историческое кавказоведение, терминология, дискурс.

Для цитирования: Чочиев Г.В. Об использовании терминов «мухаджир» и «мухаджирство» в отношении северокавказских мигрантов и миграций в Османскую империю XIX – начала XX в. // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 58 (97). С. 32–46. DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.003

Поступила в редакцию: 28.09.2025 г.

Миграции горцев Северного Кавказа в Османскую империю, начавшиеся в период Кавказской войны и продолжавшиеся в последующие десятилетия, носили нелинейный, волнообразный характер, отличаясь высокой вариативностью с точки зрения их причин, сопутствующих обстоятельств и последствий. В частности, в различное время и в различных местностях региона заметно разнились такие параметры, как позиция российской власти в вопросе горской эмиграции (от активного выталкивания «туземного элемента» или пассивного попустительства его выезду до решительного препятствования этому), мотивы переселяющихся (от стремления к обретению безопасности жизни и имущества до поиска большого социально-экономического и/или духовно-религиозного благополучия), масштабы и интенсивность движения (от исхода целых общин и народностей до переезда отдельных семей и индивидов), этнолокальный состав мигрантов (к практически перманентному оттоку западнокавказцев периодически добавлялись в разных пропорциях переселения жителей Центрального и Восточного Кавказа), гуманитарная составляющая процесса (за массовыми миграционными катастрофами зачастую следовали организационно и материально вполне обеспеченные перемещения) и др. Существенно варьировался также установленный Портой иммиграционный режим в зависимости от социально-экономического и политического положения османского государства, харак-

тера доминирующей в нем официальной идеологии, конкретных целей и расчетов властей и т.д.

Неоднородность этого исторически достаточно протяженного процесса породила значительные расхождения в научной литературе относительно его оценок и квалификаций, сопровождающиеся соответствующим терминологическим разбросом. Представленный в данной связи в историографии понятийный спектр включает в себя такие до некоторой степени пересекающиеся определения, как «миграция», «эмиграция», «иммиграция», «переселение», «исход», «вынужденное переселение», «перемещение», «выселение», «изгнание», «депортация», «(этническая) чистка» и т.п. Этому сопутствует не меньшая дифференцированность описаний самих субъектов данного трансграничного передвижения как «мигрантов», «эмигрантов», «иммигрантов», «переселенцев», «вынужденных переселенцев», «перемещенных лиц», «выселенцев», «изгнаников», «депортантов», «беженцев» и др. Очевидно, что эта вариативность понятий – каждое из которых, несомненно, имеет подтверждения в конкретно-историческом опыте региона и может быть оправданным в том или ином контексте – отражает серьезные различия в характере и формах отдельных этапов и эпизодов горской миграции, в особенности в аспекте ее принудительности или добровольности.

Вместе с тем всеми исследователями указанного социально-миграционного феномена признается его в принципе единая в рамках северокавказского региона и преемственная в хронологических границах XIX – начала XX в. природа, что делает естественным и неизбежным установление для него некоего общего обозначения. В сущности, в течение уже довольно длительного времени в качестве такого универсального, «зонтичного» дескриптора для всех видов и случаев релокации людей с Северного Кавказа в османские пределы в означенную эпоху выступает термин «мухаджирство», так же как для всего многообразия подобных релокантов – термин «мухаджир». Неслучайно, что эти наименования, несмотря на их некоторую изначальную экзотичность, на сегодняшний день прочно укоренены в русскоязычном кавказоведении, где в общем и целом успешно выполняют свою номинативную функцию.

В последние два-три десятилетия, однако, рядом специалистов были высказаны возражения против использования названных дефиниций в отношении всех либо существенной части горских миграций и мигрантов.

К примеру, Алиев отмечает: «В среде северокавказской диаспоры в арабских странах, особенно в черкесской ее части, этот термин [“мухаджир”] применительно к себе не используется из-за того, что в арабском языке он имеет смысловой оттенок добровольности переселения или эмиграции. Поэтому в диаспоре предпочитают употреблять термин “тахджир” – выселение, вынужденное переселение... С учетом этого и арабской грамматики более точным по смыслу применительно к насильственно выселенным черкесским этносам было бы применение терминов “тахджир”, “тахджирство”, а в отношении дагестанских, чеченских, осетинских, карачаевских, балкарских и ногайских переселенцев – “мухаджирство”, “мухаджиры”». Кроме того, исследователь полагает, что «термин вошел в кавказоведение из-за того, что массовое выселение (переселение) мусульман Северного Кавказа рассматривалось как следствие преследования их царизмом также и по религиозным мотивам» аналогично переезду пророка Мухаммада и его последователей в Медину по причине притеснений со стороны мекканцев [1, 4].

Бадаев также обращает внимание на то, что «термин “мухаджирство”... подвергается критике, так как слово “мухаджир” обозначает человека, добровольно переселившегося в другую страну по своим религиозным убеждениям, что применительно к кавказским горцам XIX в. не соответствовало действительности, поскольку политический диктат царской России вынуждал северокавказцев... покидать свою родину». При этом в качестве более приемлемых определений предлагаются «депортация» и «беженцы» [2, 7].

С приведенными мнениями солидарна и Озова, констатирующая, что «термин “мухаджирство”... по своей семантике не вполне отвечает вкладываемому в него понятию, так как имеет смысловой оттенок добровольности». Исходя из этого, наиболее «соответствующим термином» ей также представляется «тахджир», который «правомерно будет востребован в будущем универсальном исследовании, которого ждет трагедия черкесов» [3, 72].

Как можно видеть, неприятие перечисленными северокавказскими авторами терминов «мухаджир» и «мухаджирство» проистекает главным образом из предположительной присущести им религиозного содержания и тем самым акцентирования ими исламски мотивированного, а следовательно добровольного или, во всяком случае, непринудительного характера перемещения¹.

С другой стороны, видный представитель «виноградовской школы» Дударев в специально посвященной интересующему нас вопросу статье также привлекает внимание к недостаточно точному и обоснованному, на его взгляд, характеру данной терминологии, аргументируя это, правда, тем, что ее весьма разнообразный в северокавказском контексте «спектр оттенков... чаще всего серьезно отстоит от первоначальной мекканской “классики”» («“матрицы” ислама»), соответствие которой, таким образом, позиционируется в качестве некоего критерия правомерности приложения слова «мухаджир» и его производных к явлениям вне «реалий Аравии раннего средневековья» [4, 529].

Не отрицая очевидной специфичности и условности вышеуказанных терминологических единиц и отнюдь не ставя перед собой задачи опровержения доводов наших коллег, мы тем не менее считаем целесообразным подробнее и по возможности под широким углом зрения рассмотреть историю семантизации и функционирования названных лексем как в османо-мусульманском, так и в отечественном обиходе, что, думается, будет способствовать прояснению оснований для их включения в свое время в понятийный аппарат исторического кавказоведения и уточнению степени их соответствия возложенной на них в пределах этой дисциплины роли. При этом мы, безусловно, исходим из открытости для критики и излагаемых ниже суждений.

В османо-турецком языке слово *мухаджир* (مهاجر) является одним из бесчисленных заимствований из арабского, в котором оно представляет собой причастие действительного залога от глагола III породы *хаджара* (هاجر) «переселяться, эмигрировать» и, таким образом, означает «переселяющийся, эмигрирующий» с субстантивацией в «переселенец, эмигрант». От того же корня *х-дж-р* образовано и существительное *хиджра* (هجرة) «переселение, эмиграция». Наряду с данными исходными и отмечаемыми всеми академическими словарями арабского языка как основные значениями, лексемы *хиджра* и *мухаджир* после 622 г., когда состоялся переход пророка Мухаммада со своими сторонниками из Мекки в Медину, стали использоваться и в более узком смысле для обозначения соответственно указанного акта – переселения из *дар аль-куфр/харб* «области неверия/войны» в *дар аль-исlam* «область ислама» – и его участников, но с непременным добавлением определенного артикля: *аль-хиджра* и *аль-мухаджирун* («мухаджиры»)² (толкования указанных единиц см. в: [5, 2880–2881; 6, 846]). Заметим, что эта двузначность слова *мухаджир* просматривается даже в самом тексте Корана, где им описываются не только Мухаммад и его спутники, но и – единично – задолго до них предпринявший переселение из-за религиозных гонений пророк Ибрахим (Авраам)² и последующие выселенки из «области неверия» в «область ислама»³.

В османских текстах раннего и классического периодов слово *хиджрет* (в этой форме в турецком было усвоено арабское *хиджра*) регулярно употребляется для описания как судьбоносного действия пророка правоверных и его сподвижников (чаще с конкретизацией: *хиджрет-и небевийе* «переселение пророка»), так и рутинных перемещений групп людей или отдельных индивидов из одной местности в другую по бытовым, экономическим, политическим и иным причинам⁴. Элемент *мухаджир*, впрочем, встречается реже и, как правило, в применении к благочестивым аравийским переселенцам VII в. (обычно в сочетании *мухаджирин ве энсар* «мухаджиры и ансары»⁵).

Со второй половины XVIII в., однако, лексема *мухаджир* (с двумя вариантами формы множественного числа – турецкой *мухаджирлер* и арабской косвеннопадежной *мухаджирин*) получила в турецких источниках широкое распространение, что было вызвано начавшимися в эту эпоху и в дальнейшем только усилившимися миграциями населения из утраченных в результате неудачных войн с европейскими державами провинций на остающуюся под юрисдикцией Порты территорию. При этом нельзя не обратить внимание на тот факт, что этим словом именовались не только переселявшиеся или бежавшие в османские пределы мусульмане, которые, разумеется, составляли абсолютное большин-

ство, но и – без каких-либо оговорок – подданные султана из числа христиан и иудеев [8, 286]⁶. Это, собственно, прямо вытекало из неидеологизированной иммиграционной политики данного периода, выражавшейся, по Карпату, в том, что «мухаджиры принимались не только как часть общего сознания исламского долга, но также и в силу традиционной османской практики предоставления убежища любому просящему его, будь то мусульманин или немусульманин» [10, 696].

Данный подход нашел отражение и в таком важном документе, как нацеленный на поощрение притока в Османскую империю квалифицированной сельскохозяйственной рабочей силы и капиталов из Европы правительственный декрет 1857 г. «Об иностранных семействах, желающих вступить в подданство и поселиться во владениях Высокого Государства», где потенциальные иммигранты также названы «мухаджирами» [11, Y.A.RES 115/57], при том что в предназначеннной для публикации в зарубежных газетах французской версии акта им соответствуют «колонисты» (colons) [12, 16–18]. Созданная в 1860 г. первая османская специализированная служба по делам иммигрантов – Мухаджирская комиссия (*Мухаджирина комиссия*) – также формально не делала различий между переселенцами в зависимости от их вероисповедания и происхождения. Даже после перехода государства в конце 1880-х гг. к целенаправленному поощрению исключительно мусульманской иммиграции и преобразования указанной организации в Высшую исламскую мухаджирскую комиссию [13, 663] видимых изменений в практическом смысле не произошло. Так, в целом ряде официальных документов этого времени зафиксировано именование «мухаджирами» еврейских поселенцев в Палестине и других османских регионах [11, A.MKT.MHM 509/12, 527/27, Y.A.HUS 172/1, 263/64, Y.A.RES 57/26, 66/22, 83/83, Y.MTV 198/12, Y.PRK.AZJ 54/65, Y.PRK.DH 5/54], отбывающих в Америку сирийских христиан [11, DH.MKT 2628/66], переселяющихся из Анатолии в Россию армян [11, DH.MKT 2654/13], из Турции в Болгарию болгар⁷ и т.д. А, например, стамбульская газета «Вакит» в 1919 г. вновь рассуждала о возможности «ради реформ и развития... распахнуть двери» в страну перед элитными «мухаджирами» из Европы [15]. В столь же надконфессиональном смысле употреблялись в этот период однокоренные единицы *хиджрет* «переселение» и *мухаджерет* «переселение; положение мухаджира, мухаджирство».

Если обратиться к лексикографическим источникам второй половины XIX – начала XX в., то можно обнаружить в принципе сходную, при некоторых смысловых нюансах, интерпретацию понятия *мухаджир*. Так, в турецко-английском словаре Редхауза 1856 г. его основное значение определяется как «One compelled to abandon his country», а доо дополнительное – «Those inhabitants of Mecca who fled to Medina and joined Muhammed» [16, 1066]. В существенно переработанной версии этого словаря 1890 г. находим «Who emigrates; an emigrant; especially, an emigrant for the sake of Islam» [17, 2040]. В вышедшем же в 1883 г. турецко-французском словаре Шемседдина Сами (Фрашери) в качестве основного значения предлагается «Émigré; fugitif», а вторичного – «Chacun des compage nons de Mahomet qui émigrèrent avec lui de la Mecque à Médine» [18, 1102]. При этом тот же автор в своем большом толковом словаре турецкого языка 1899 г. ограничивается трактовкой *Аиледже йэрлешимек узере дийар-ы ахере гиден адам* («Человек, уехавший в другую страну для поселения семейством») [19, 1435]. В еще одном турецко-французском словаре Барбье де Мейнара, изданном в 1886 г., наряду с «Fugitif, émigré» фигурирует также «colon» [20, 801]. Наконец, укажем на перевод русского «переселенец» как *мухаджир* в русско-турецком словаре Ахмеда Седада 1909 г. [21, 344].

Как можно заметить, в приведенных толкованиях аспект религиозной обусловленности/мотивированности миграции представлен факультативно и исключительно в привязке ко второму, более узкому значению слова (точнее, наиболее известному из коранического дискурса частному случаю его употребления), при том что нигде не обнаруживается распространения его семантики на переселенцев-мусульман вообще⁸.

С другой стороны, функциональная универсальность османо-турецкого *мухаджир* проявлялась, как следует и из словарных примеров выше, также в весьма слабом различении им степени вынужденности тех миграций, субъектов которых он описывал, в частности в охвате им как сугубо добровольных перемещенцев, так и лиц, скорее являвшихся – с уч-

том подтолкнувших их к смене места жительства факторов – беженцами и просителями укрытия⁹. Безусловно, можно согласиться с Хаджисалихоглу в том, что «это слово в силу османского исторического опыта включало в себя также и (выделено нами. – Г.Ч.) значение “вынужденного переселения”», хотя данная коннотация, как подчеркивает и указанный исследователь, почти не отражена в лексикографии турецкого языка [14, 33–34]. В этой связи нелишне обратить внимание и на тот факт, что крымские, кавказские, балканские и другие иммигранты конца XVIII – начала XX в., в том числе покинувшие родину под несомненным давлением, представлены в османских источниках, за редким исключением, именно под названием *мухаджир*, но не *мюльтеджи* «беженец, искатель убежища», хотя последний элемент использовался, например, в правительственной переписке в качестве эквивалента французского *réfugié* в ходе дипломатического кризиса 1849–1851 гг., вызванного переходом в турецкие пределы разгромленных венгерских и польских революционеров. Правда, засвидетельствовано параллельное употребление обоих терминов в отношении хлынувшего во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с Балкан в Стамбул и Анатолию мусульманского населения (включавшего в себя и ранее поселенных в Румелии¹⁰ черкесов), равно как и турецких и курдских вынужденных переселенцев из Восточной Анатолии в годы Первой мировой войны [22, 18–19]. Кроме того, во многих исходящих из султанской канцелярии и великого визирата документах сам акт иммиграции в страну обозначается однокоренным с *мюльтеджи* отглагольным именем *ильтиджа* « поиск убежища» (араб. корень *ل-دج-*) или же синонимичными последнему османизмом¹¹ *дехалет* и турецким *сыгин-*, подчеркивающими проявляемое империей милосердие к вынужденным укрыться на ее территории людям¹². В свете этого кажется вполне очевидным, что в понимании чиновников Порты означенного периода термины *мухаджир* и *мюльтеджи* не противополагались друг другу, а первый как более общий семантически покрывал второй и на практике был – чем бы это ни объяснялось – предпочтительным¹³.

Здесь же уместно отметить, что, несмотря на присутствие порой в официальных текстах достаточно четких оценок действий властей «отправляющей» стороны как насильственных¹⁴, для характеристики подобного рода перемещений не фиксируется использование отглагольного имени с понудительным значением от корня *х-дж-р*, каковым является *техджир* (<араб. *тахджир* (تَهْجِير)>) «выселение, депортация», но также отдается предпочтение нейтральному по смыслу *хиджрет*.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в рассматриваемый период слово *мухаджир* в турецком литературном (официальном) языке выступало в первую очередь обозначением, по существу эксклюзивным (не имеющим полноценных синонимов), мигранта в весьма широком смысле независимо от причин, целей и направления движения¹⁵, что, собственно, совпадает с его исходным значением и практикой употребления также и в арабском. Вместе с тем данное понятие, наверное, не могло быть всегда и в полной мере свободно от определенных религиозных коннотаций, обусловленных событиями ранней исламской истории и подкрепляемых фактом подавляющего преобладания среди позднеосманских мухаджиров переселенцев-мусульман из христианских государств (условной «области неверия»). Очевидно и то, что основная масса направлявшихся с бывшей османской периферии в центральные султанские владения людей была в той или иной степени мотивирована и желанием к проживанию в комплементарном в религиозно-культурном отношении обществе, управляемом к тому же халифом всех правоверных (бесспорной «области ислама»)¹⁶. С другой стороны, представляется столь же несомненным, что неизменная готовность руководства империи к приему и посильной поддержке изгнанных или эмигрировавших с родины единоверцев вытекала отнюдь не из необходимости простого следования продемонстрированному первыми мусульманами примеру солидарности, но главным образом как раз из указанного статуса султана-халифа как духовного лидера исламского мира, обязанного (да и вынужденного ради сохранения своего престижа!) предоставлять покровительство и гостеприимство всем нуждающимся в этом членам своей паствы.

В то же время можно допустить, как это делает, например, Карагаш, что в силу вызываемых мухаджирским дискурсом тесных ассоциаций с основоположником ислама и его сподвижниками, некогда оказавшимися в критической ситуации и спасенными бла-

годаря помощи уммы, власти прагматично рассчитывали инструментализировать эти параллели для поощрения аналогичной самоотверженности (прежде всего материальной) коренного мусульманского населения страны в пользу вновь прибывающих подданных [23, 93–94]¹⁷. В любом случае, однако, в османских официальных документах и риторике не отмечено никаких намеков на уподобление иммигрантов и беженцев нового времени кораническим мухаджирам.

Что касается истории употребления слова «мухаджир» в северокавказском контексте, то впервые оно фиксируется здесь на начальных стадиях Кавказской войны как (само)название горцев-мусульман, прибывавших в Имамат Дагестана и Чечни из подконтрольных русским частям региона с целью – по крайней мере формально – проживания в устроенном по принципам шариата государстве и ведения под знаменем газавата освободительной борьбы против «неверных» [24, 68; 25, 341–342]¹⁸. Представляется, однако, сомнительной высказанная Бобровниковым версия о прямом, механистическом распространении/перенесении данного локального содержания термина на участников развернувшегося позднее масштабного переселенческого движения в Османскую империю. Безусловно, среди ушедших в Турцию северокавказцев было и какое-то количество «старых» мухаджиров из имамата, которые по прибытии в султанские владения, став, в сущности, вторично мухаджирами, вполне могли так себя идентифицировать. Более того, в терминах коранической хиджры наверняка осмыслили свое перемещение и приверженцы проповедовавшейся некоторыми дагестанскими шейхами точки зрения о превращении Кавказа после русского завоевания в «территорию войны» и обязанность поэтуому каждого мусульманина переселиться на «территорию ислама» (см. подробнее: [24, 71–72]). Принимая, однако, во внимание сравнительную ограниченность как численности, так и области исхода этой категории мухаджиров (которых, вероятно, и можно с полным основанием квалифицировать как истинных религиозных переселенцев), трудно, на наш взгляд, не признать, что одного их присутствия в общем миграционном потоке было недостаточно для того, чтобы и остальные «эмигранты» тоже стали называть себя мухаджирами и таким образом «это название закрепилось за всем переселенческим движением» [24, 70].

Такому выводу препятствует также практически полное отсутствие употреблений лексемы «мухаджир» даже в непосредственно относящихся к горскому исходу российских официальных источниках, где речь ведется, как правило, о «переселенцах», «выходцах», «эмигрантах» и т.д. Так, «мухаджиры» не упоминаются в документах, вошедших в опубликованные капитальные собрания архивных материалов о Кавказской войне и выселении в Османскую империю горцев Западного и Центрального Кавказа [26; 27] и Дагестана [28]. В сборнике документов о чеченской эмиграции 1865 г. термин встречается лишь однажды в донесении из Стамбула инициатора этого движения Кундухова начальнику Терской области Лорис-Меликову [29, 31] и, несомненно, воспринят первым от османских официальных лиц, с которыми он вел переговоры, или же самих кавказских переселенцев, с которыми тесно общался. Не представлено это понятие также в подробно описывающих и с различных позиций оценивающих само явление мемуарных, публицистических и научных сочинениях таких, например, авторов второй половины XIX в., как Фадеев [30], Абрамов [31], Кануков [32, 61–87], Берже [33] и многие другие.

Симптоматично в данном отношении и то, что слово не укоренилось в речи народов Северного Кавказа, включая переживших наиболее массовый и драматичный отток населения за Черное море адыгов. В частности, в адыгском языке, прежде всего в памятниках фольклора, уход части соотечественников в османские пределы обычно обозначается словом *истамбылакIуэ* «исход (переселение) в Стамбул», так же, собственно, как и сами ушедшие; зафиксировано также более метафоричное *псыикIыж* «переправа через море» [34, 9]. У соседних карачаевцев известно *стампулчула* «стамбульцы» [35, 30]. Осетинским мухаджирами данный акт, согласно воспоминаниям Канукова, также определялся как «уход в Стамбул» [32, 61–66]. В языках же народов Восточного Кавказа специальные обозначения переселенцев в Турцию, насколько мы можем судить, не отмечены. (Особая ситуация имеет место в абхазском языке, о чем ниже.)

Как представляется, эта непросматриваемость слова «мухаджир» в северокавказском и в целом российском публичном дискурсе эпохи наиболее массовых горских переселений 1850–1870-х гг. и следующих за ними лет была прямым результатом фактической «вычеркнутости» переселенцев не только из физического, но и информационного и интеллектуального поля покинутого ими государства, обеспечивающей в том числе и целенаправленными мерами последнего по пресечению сколько-нибудь значимых контактов между оказавшимися по разные стороны границы этническими северокавказцами, в особенности попыток реэмиграции из султанских владений в царские [36, 68–70].

Между тем параллельно этому официально поощряемому забвению «ушедших» на их родине на османской почве происходил ускоренный и чрезвычайно важный процесс кристаллизации новой коллективной идентичности переселенцев. Горцы, отправлявшиеся по принуждению либо по собственной воле в смутно воображаемый ими «Стамбул», сразу по вступлении под юрисдикцию Порты проходили в установленном порядке регистрацию как мухаджиры, то есть иммигранты, и уже под этим обозначением начинали свой путь социально-экономической, политico-правовой и культурной адаптации и интеграции в принявшем их обществе¹⁹ под плотным кураторством Мухаджирской(!) комиссии. Поскольку же данный статус предполагал обладание конкретным набором налоговых, конскрипционных и прочих существенных льгот, он автоматически становился – наряду с очевидными этническими различиями – и фактором, четко отграничивающим недавно прибывших подданных от остальных жителей империи. С другой стороны, как совершенно справедливо замечает Хамед-Троянский, «солидное религиозное и историческое наследие» термина *мухаджир* обусловило его быстрое и охотное восприятие самими иммигрантами как удобного и престижного средства социальной, а в сочетании с индикаторами происхождения (например, *ногай/черкес/Дагыстан мухаджирлери* «ногайские/черкесские/дагестанские мухаджиры» и т.п.) также и этнической идентификации в культурно-плуралистическом османском обществе, причем подобное именование кавказских и иных переселенческих групп сохранялось, как правило, спустя годы и поколения после истечения формального срока действия упомянутого статуса [39, 70].

Не подлежит сомнению, что северокавказское мухаджирское сообщество (или сообщества) с соответствующей идентичностью вполне сформировалось в Османской империи уже в итоге иммиграций конца 1850-х – первой половины 1860-х гг., после чего экспорт рассматриваемого термина на родину переселенцев стал по существу лишь вопросом времени, зависящим от возникновения подходящих условий для более или менее плотного и продолжительного взаимодействия двух сегментов разъединенных народов. Если не считать крайне редких в этот период частных посещений мухаджирями Кавказа, а кавказцами султанских земель, то первым серьезным, пусть и локальным, контактом указанного рода следует, бесспорно, признать высадку в 1877 г. на побережье Абхазии так называемого мухаджирского десанта в рамках османского плана «отвоевания» Западного Кавказа [38, 328–334]. Независимо от провальных в военном отношении и трагических для местного населения результатов этой авантюры, можно с высокой степенью уверенности предполагать, что именно во время многомесячного пребывания на родине и беспрепятственного общения с соотечественниками нескольких тысяч османских абхазов произошло прочное усвоение в абхазский язык и их турецкого обозначения, причем в слегка искаженной форме «махаджир» (*a-mħaḍyṛ*) вследствие явно слухового способа заимствования²⁰. Знаменательно, что в эти месяцы слово проникало и на страницы российской прессы через репортажи из региона, сопровождаясь, что неудивительно, надлежащими пояснениями; так, корреспондент петербургского «Голоса» в номере за 16(28) августа 1877 г. счел нужным разъяснить своим читателям в скобках значение экзотизма «мухаджиры» как «абхазцы-переселенцы» [38, 353–354]. Добавим, что довольно заметное участие добровольческих кавказских мухаджирских подразделений в составе турецкой армии в войне 1877–1878 гг. на анатолийском и балканском фронтах (см., например: [40, 104–105]), в том числе визави российских горских полков, также не могло не иметь определенного информирующего эффекта относительно обновленной идентичности переселенцев и связанной с ней номенклатуры. В следующие десятилетия этому же, несомненно, способствовало и некоторое учащение взаимных трансграничных визитов этничес-

ских северокавказцев и даже возвращений на Кавказ отдельных семейств и лиц благодаря послаблениям в этой сфере со стороны властей обеих империй.

С другой стороны, в конце XIX – начале XX в. переселенцы стали все чаще появляться в поле зрения посещавших Османскую империю русских путешественников (ученых, разведчиков, паломников и др.), в своих отчетах время от времени характеризовавших бывших соотечественников, следя местному словоупотреблению, как «мухаджиров»²¹. Периодически кавказские «мухаджиры» фигурировали также в донесениях российских консулов из различных османских провинций (см.: [43, 148, 150–160]). Наконец, термины «мухаджир» и – что, похоже, было новшеством – «мухаджирство» были широко представлены на страницах издававшегося в 1908–1911 гг. в Париже и свободно распространявшегося также в России интеллектуального журнала «Мусульманин», который отводил значительное место проблематике черкесов Турции (см. в особенности №№ 1 (1908), 2, 15 (1910), 2 (1911) и др.).

В целом, несмотря на спорадичность бытования слова в отечественном печатном пространстве этого периода и отчасти все еще свойственный ему налет экзотизма, правомерно, вероятно, говорить о его состоявшемся повторном (и в сравнении с имаматской эпохой даже несколько более широком) вхождении в русскоязычный оборот, но уже в ином, детерминированном не кавказскими, а османскими реалиями значении, подразумевающим подданных Порты из числа бывших жителей Северного Кавказа и их потомков.

Тем не менее в академическом отечественном узусе понятия «мухаджир» и «мухаджирство» закрепились не ранее середины XX в., надо полагать, не без некоторого «волевого» усилия со стороны северокавказских историков, нуждавшихся в адекватных definicijax для описания изучаемой ими миграционной мобильности. Например, уже в конце 1940-х гг. указанными определениями активно оперировал Тотоев [44; 45], одним из первых среди советских исследователей затронувший тему исхода горцев в османскую Турцию. После же выхода в свет в 1975 г. фундаментальной и в известном смысле революционной монографии Дзидзария²² произошло окончательное утверждение в кавказоведении данных подтвердивших свою безусловную инструментальность терминов (с вариацией «мухаджир(ство)»/«махаджир(ство)») и положено начало их вовлечению также и в общественный дискурс.

Резюмируя сказанное выше, можно сформулировать следующие выводы и предположения.

Арабизм *мухаджир* выступал в турецком языке обозначением переселенцев в достаточно универсальном смысле, но при этом вследствие конкретных историй своего употребления в раннеисламском и позднеосманском контекстах мог факультативно указывать также на религиозный и/или вынужденный характер перемещения. Такой семантикой слова было предопределено его преимущественное использование в официальных документах середины XVIII – начала XX в. применительно к беженцам и переселенцам из утраченных периферийных провинций и зон влияния (в том числе с Северного Кавказа) в центральные области империи, равно как и к другим категориям мигрирующего населения на османском географическом пространстве, в том числе и немусульман.

Восприятие слова в качестве самоименования переселявшимися в Османскую империю горцами происходило, как правило, не на кавказской почве, а лишь после запуска процессов их адаптации и интеграции на новой родине как иммигрантов-мухаджиров и формирования у них соответствующей новой идентичности. При этом постепенное и ограниченное распространение данного элемента в северокавказском, а затем и российском обиходе как общего обозначения горских мигрантов в османские пределы не было связано с фактом предшествующего присутствия в имамате Шамиля локальных (внутрирегиональных) мухаджиров, но явилось результатом своего рода импорта через эпизодические контакты сultанских подданных – носителей мухаджирской идентичности – со страной своего происхождения и ее представителями (включая и этнически русских) в последующую за Кавказской войной и основными переселенческими волнами эпохи.

Превращение слов «мухаджир» и «мухаджирство» в терминологические единицы в рамках отечественного кавказоведения состоялось в середине XX в. и было вызвано объективными потребностями исследования этой вошедшей (или допущенной)

в указанный период в сферу разработок советских, прежде всего северокавказских, историков проблематики. Несмотря на временами высказываемое начиная с 1990-х гг. представителями различных кавказоведческих школ неудовлетворение данными терминами, на нынешнем этапе они остаются концептуально состоятельными и вполне функциональными зоничными дефинициями (по крайней мере за неимением более безупречных) для описания, соответственно, мигрантов и миграций с Северного Кавказа в Османскую империю. Более же точная квалификация отдельных стадий и этнокальчных версий горского исхода должна осуществляться на основе детального и углубленного анализа каждой из них.

Примечания

1. Данное неприятие, несомненно, во многом обусловлено опасениями по поводу возможного представления жертв осуществленных царизмом массовых депортаций не более чем эмигрантами-добровольцами, что, к сожалению, подкрепляется соответствующей тенденцией в российском общественном и академическом дискурсе.
2. «...и он (Ибрахим) сказал: «Я собираюсь совершить переселение ради своего Господа...»» (29:26) [7, 507].
3. «О те, которые уверовали! Когда к вам прибывают переселившиеся верующие женщины, то подвергайте их испытанию...» (60:10) [7, 729].
4. Примеры употребления слова см., напр., в монументальном травелоге Эвлии Челеби, исторических хрониках Кятиба Челеби, Мустафы Наимы и других памятниках указанной эпохи.
5. Ансары (араб. «помощники») – коренные жители Медины, которые приняли ислам и стали сподвижниками пророка Мухаммада после его переселения из Мекки.
6. В произведениях османского хрониста и историка XIX в. Ахмеда Джевдет-паши термином *мухаджир* описываются в основном мигранты именно этого рода. Однако при необходимости им обозначаются также самые различные переселенцы в Римской империи, послереволюционной Франции, домусульманской Анатолии и т.д. (см.: [9]).
7. В болгарском языке засвидетельствовано употреблениеискаженного от *мухаджир* локализма *маджур* (множ. *маджури*) для обозначения переселившихся или бежавших из Турции в османский период болгар и их потомков [14, 34–35].
8. Противоположную тенденцию зачастую можно наблюдать в современных исламских публикациях. Например, в «Словаре арабских выражений и терминов», прилагаемом к по праву считающемуся одним из лучших переводу Корана на русский язык, *мухаджирун* трактуется как «(а) мухаджиры, сподвижники Пророка Мухаммада, которые переселились в Медину из других городов и областей до покорения Мекки в 8 г.х.; (б) мусульмане, которые переселяются из враждебных к исламу стран ради спасения собственной веры» [7, 1067]. При этом проигнорировано «светское» широкое (оно же исходное) значение лексемы *мухаджир* – переселенец как таковой.
9. Разумеется, такие лица не обязательно полностью подпадают под современные международно-правовые определения «беженцев», «перемещенных лиц», «вынужденных переселенцев» и т.п. Речь в данном случае идет о традиционном (докодификационном) сущностном содержании этих понятий.
10. Румелия – османские владения на Балканах.
11. Османизмы – слова османо-турецкого языка, образованные от арабских корней по правилам арабской грамматики, но неизвестные в самом арабском.
12. См., например, о черкесских иммигрантах в письме из великого везирата в Мухаджирскую комиссию от 21 июня 1864 г.: «Они после постигшего их горя расставания с родиной, укрыввшись (*сыгынарак*) под благодатной сенью сострадания и покровительства всевечного Высокого Государства, в его защищенных владениях ищут убежища и мухаджирства (*ильтиджи ве мухаджерет*)...» [11, А.МКТ.МНМ 303/76]; также о дагестанских иммигрантах в постановлении Порты от 11 декабря 1901 г.: «прибывшие в Высокое Государство и нашедшие приют и убежище (*дехалет ве ильтиджа*) под крылом Возвышенного Халифата мусульманские мухаджиры...» [11, Y.A.RES 114/102].

13. Любопытно, что бежавшие в 1877 г. от русского наступления и укрывшиеся в Родопских горах болгарские мусульмане, которые в английских консульских отчетах выступают как *fugitives* или *refugees*, в османских документах именуются мухаджирами [14, 33]. Формальное разграничение содержаний терминов *мухаджир* и *мюльтеджи* путем закрепления за ними значений соответственно «переселенец, иммигрант, эмигрант» и «беженец (обычно временный)» как юридических категорий началось лишь в последнее османское десятилетие и завершилось в республиканской Турции [22, 18–19].

14. Например, 3 декабря 1863 г. губернатор Трабзонского эялета Эмин-паша информировал Порту о том, что «Россия усиливает натиск на страну черкесов... и в занятых местностях покорившимся ей предлагает покинуть родину и переместиться во внутрь страны, желающих же искать убежища (*дехалет*) в Высоком Османском Султанате посредством давления, сжигая их дома, заставляет сбраться у пристаней для скорейшего отправления в защищенные владения [Османской империи], вследствие чего... беспомощное население в самом бедственном и жалком состоянии встает на путь переселения (*хиджрет*) в Высокие Пределы» [11, І.MMS 27/1189]. Председатель Мухаджирской комиссии Веджихи-паша в докладе великому визиру Фуад-паше от 1 апреля 1864 г. также указывал, что «Россия, вероятно, поняв, что ни один из них [черкесов]... не примирится с ней... перешла к их немедленному удалению оттуда» [11, І.MVL 505/22848].

15. В текстах османского периода довольно широко представлено исконно турецкое существительное *гёч* «переселение», а также образованный от него составной глагол *гёч этмек* «переселяться», включая его причастную форму *гёч эден* «переселяющийся». Последняя, однако, в отличие от *мухаджир* в арабском, не прошла путь субстантивации до «переселенец». Еще один производный от *гёч* глагол *гёчмек* «переселяться, перекочевывать» использовался в основном для обозначения сезонных перемещений племен курдских и туркменскихnomadov в Анатолии, а не миграций вообще. Соответствующий же арабизму *мухаджир* неологизм *гёчмен* с тем же широким значением «переселенец, эмигрант, иммигрант» был введен в турецкий язык лишь в 1920–1930-х гг. и к настоящему времени близок к вытеснению из употребления своего устаревшего эквивалента.

16. Применительно к черкесской иммиграции в Османскую империю Карпат указывает на необходимость рассматривать ее «и как результат внешнего физического давления, и как следствие собственной решимости черкесов сохранить свою **культурную и религиозную идентичность и чистоту** (выделено нами. – Г.Ч.) путем перемещения в страны, где доминировало мусульманское правление» [13, 649]. Не оспаривая данного тезиса, уточняющим лишь, что изгнанным из родных мест черкесским беженцам первой половины 1860-х гг. уход в османские пределы действительно мог представляться лучшим по сравнению с проживанием под властью царской администрации способом сохранения не только мусульманской религии, относительно недавно и неглубоко ими усвоенной, но и более широкого комплекса традиционных социокультурных ценностей, далеко не во всем согласующихся с нормами и предписаниями ислама.

17. В сущности, власти немало преуспели в стимулировании местного населения (в том числе отчасти и немусульманского) к оказанию безвозмездной помощи мухаджирам, прибегая, однако, для этого не столько к прямой эксплуатации темы конфессиональной солидарности, сколько к таким методам, как личный пример жертвовавших на эти цели крупные суммы из собственных средств представителей монаршего дома и государственной элиты, публикация в прессе имен и награждение поощрительными грамотами проявивших щедрость подданных и т.п.

18. Примечательно, что примерно в этот же период или, возможно, несколько раньше с мухаджирами пророка Мухаммада начали соотносить себя и бежавшие из Кабарды в Закубанье для продолжения сопротивления завоевателям «хаджиреты/хажреты» (вероятно, искаж. от тур. *хиджрет*), известные в русских источниках как «беглые» или «вольные» кабардинцы.

19. Не следует забывать, что важной составной частью этого процесса зачастую была и религиозная интеграция. Хорошо известно, что некоторые мухаджиры, особенно из числа выходцев с Западного Кавказа, на момент получения указанного статуса являлись мусульманами скорее формально и лишь в процессе миграции или уже в ос-

манских владениях впервые приобретали опыт устойчивого взаимодействия с исламской ортодоксией. Так, Шами, опираясь на материалы устной истории, сообщает, что многие черкесские переселенцы не владели навыками моления и везли с собой с родины соленую свинину, не подозревая о запрете на ее употребление в пищу в исламе. По имеющимся сведениям, поселенные в 1860-х гг. в Косове черкесы воспринимались местным населением как «наполовину язычники, наполовину мусульмане и немного также христиане» в силу синкретичности их религиозных взглядов. С целью окончательной исламизации иммигрантов власти активно строили в их поселениях мечети и примечетские школы, осуществляли замену традиционных имен на мусульманские и даже устраивали торжественные коллективные обрезания для не прошедших этот ритуал на родине [37, 146]. При этом по крайней мере в одном случае Порта столкнулась с довольно упорным сопротивлением обращению в ислам со стороны уже признанных мухаджирами лиц – части «сухумских» переселенцев 1877 г., некоторые из которых впоследствии вернулись на родину [38, 381–396].

20. В 1918 г. в Абхазии с негласной санкции младотурецкого руководства высадился еще один «махаджирский десант» для оказания помощи местному населению в защите страны от притязаний меньшевистской Грузии. Эта операция также потерпела неудачу, однако, скорее всего, довершила закрепление указанной лексемы в речи жителей региона, тем более что часть мухаджиров осталась на исторической родине (мы благодарны за предоставленную информацию об этих событиях, в том числе семейные воспоминания, доценту Абхазского государственного университета Нури Багапшу).

21. Например: «Таким образом была заселена этими выходцами, по-местному мухаджирями, значительнейшая часть Карсского санджака...» [41, 152]; или: «Деревня черкесов резко отличается от всех других. Мухаджиры (переселенцы) принесли с собой и тип сакли, приятно ласкающий взор своими выбеленными стенами...» [42, 314].

22. В 1982 г. вышло второе, дополненное издание книги [38], на которое сделаны ссылки в этой статье.

1. Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX-XX в.). Махачкала: Новый день, 2001. 294 с.
2. Бадаев С.-Э.С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. 315 с.
3. Озова Ф.А. Мухаджирство в исторической памяти черкесов // Гуманитарный профиль. Науч. сб. Совета молодых ученых. Нальчик: КБИГИ, 2015. С. 71–87.
4. Дударев С.Л. К вопросу о терминах «мухаджиры» и «мухаджирство» // Былые годы. 2017. № 2. С. 525–532.
5. Lane E. W. An Arabic-English Lexicon. L.: Williams & Norgate, 1893. 3064 p.
6. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь. М.: Живой язык. 2006. 926 с.
7. Кулиев Э.Р. Смысловой перевод священного Корана на русский язык. Medina: Комплекс им. короля Фахда по изданию священного Корана, 1425. 1071 с.
8. Saydam A. Muhacir // İslâm Ansiklopedisi. XXX. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı, 2020. S. 286–288.
9. Ahmed Cevdet Paşa. Tarih-i Cevdet. Haz.: D. Günday, M. Çevik. I–VI. İstanbul: Hikmet Neşriyat, 1993. 3000 s.
10. Karpat K.H. The ‘Hijra’ from Russia and the Balkans: The Process of Self-Definition in the Late Ottoman State // Karpat K.H. Studies on Ottoman Social and Political History. Selected Articles and Essays. Leiden: Brill, 2002. P. 689–711.
11. Османский архив Управления государственными архивами при Президенте Турецкой Республики.
12. Aristarchi Bey (Grégoire). Législation ottomane, ou Recueil des lois, règlements, ordonnances, traités, capitulations et autres documents officiels de l’Empire ottoman. I. Constantiople: Frères Nicolaïdes, 1873. 427 p.

13. *Karpat K.H.* The Status of the Muslim under European Rule: The Eviction and Settlement of the Çerkes // Karpat K.H. Studies on Ottoman Social and Political History. Selected Articles and Essays. Leiden: Brill, 2002. P. 647–675.
14. *Hacisalihoglu M.* “89 Göçü” İle İlgili Tarih Yazımı ve Kamuoyu Algıları // 89 Göçü: Bulgaristan'da 1984–1989 Azınlık Politikaları ve Türkiye'ye Zorunlu Göç / Ed.: N. Ersoy-Hacisalihoglu, M. Hacisalihoglu. İstanbul: Yıldız Teknik Üniversitesi, 2012. S. 31–74.
15. *Ahmed Emin.* Siyasi Vatandaşlık (4) // Vakit. No 715. 29.10.1919. S. 1.
16. *Redhouse J.W.* An English and Turkish Dictionary. L.: Bernard Quaritch, 1856. 1149 p.
17. *Redhouse J.W.* A Turkish and English Lexicon. Constantinople: Printed for the American Mission by A.H. Boyajian, 1890. 2224 p.
18. *Fraschery Ch.S.* Dictionnaire Turc-Français. Constantinople: Mihran, 1224. 1208 p.
19. *Şemseddin Sami.* Kâmûs-ı Türkî. Dersaadet: İkdam Matbaası, 1317. 1574 s.
20. *Barbier de Meynard A.C.* Dictionnaire Turc-Français. P: Ernest Leroux, 1886. Vol. II. 899 p.
21. Ахмед Седад. Русско-турецкий словарь. Константинополь: Типография и литография Османие, 1325. 678 с.
22. *İpek N.* İmparatorluktan Ulus Devlete Göçler. Trabzon: Serander, 2006. 418 s.
23. *Karataş Ö.* Çerkeslerin Sivas-Uzunyayla'ya İskânları ve Karşılaştıkları Sorunlar (H.1277–1287/M.1860–1870). Doktora Tezi. İzmir: Ege Üniversitesi, 2012. 388 s.
24. Бобровников В.О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 67–78.
25. Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму: завоевание Чечни и Дагестана / Пер. с англ. В. Симакова. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 512 с.
26. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сб. арх. док-тов / Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик: Эльбрус, 2001. 496 с.
27. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874 гг.) / Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 413 с.
28. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Сб. док-тов и мат-лов / Сост. А. Магомеддадаев. Махачкала: ДНИЦРАН, 2000. 434 с.
29. Переселение горцев в Турцию. Мат-лы по ист. горских народов / Сост. Г.А. Дзагуров. Ростов-на-Дону: Севкавкнига, 1925. 202 с.
30. Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ / Сост. С.В. Лебедев, Т.В. Лицицкая. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 992 с.
31. Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар: Общество изучения Адыгейской автономной области, 1927. 36 с.
32. Кануков И.Д. Горцы-переселенцы // Кануков И.Д. В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика / Подг. текста, прим. и пред. З.И. Суменовой. Орджоникидзе: Ир, 1985. С. 61–87.
33. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXIII. Кн. II. С. 337–363.
34. Хавжокова Л.Б. Художественное осмысление темы Кавказской войны и махаджирства в адыгской поэзии. Нальчик: Печатный двор, 2016. 192 с.
35. Кипкеева З.Б. Карабаево-балкарская диаспора в Турции. Ставропольский государственный университет, 2001. 184 с.
36. Чочиев Г.В. Проблема «возвращения на родину» в северокавказской диаспоре в Турции (османский период) // Вопросы истории. 2021. № 6 (1). С. 61–84.
37. Shami S. Historical Processes of Identity Formation: Displacement, Settlement, and Self-Representations of the Circassians in Jordan // Iran and the Caucasus. 2009. XIII. No 1. P. 141–160.
38. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 530 с.
39. Hamed-Troyansky V. Empire of Refugees: North Caucasian Muslims and the Late Ottoman State. Stanford: Stanford University Press, 2024. 340 p.
40. Кануков И.Д. От Александрополя до Эрзерума (путевые наброски) // Кануков И.Д. В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика / Подг. текста, прим. и пред. З.И. Суменовой. Орджоникидзе: Ир, 1985. С. 96–106.

41. Колюбакин А.М. Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции. I. Тифлис: Ген. штаб Кавк. воен. округа, 1888. 328 с.
42. Смирнов К.Н. Поездка в Северный Курдистан в 1904 году // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1904. Т. XVII. С. 282–326.
43. Хрестоматия по истории зарубежной черкесской диаспоры / Сост. А.В. Кушхабиев. Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр РАН, 2018. 216 с.
44. Томоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859–1865) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1948. Т. XIII. Вып. 1. С. 24–46.
45. Томоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института имени К.Л. Хетагурова. Выпуск историко-филологический. 1949. Т. XVIII. С. 70–98.

Chochiev, Georgy V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); georg-choch@yandex.ru

ON THE USE OF THE TERMS “MUKHADZHIR” AND “MUKHADZHIRSTVO” IN RELATION TO NORTH CAUCASIAN MIGRANTS/MIGRATIONS TO THE OTTOMAN EMPIRE IN THE 19 – EARLY 20 C.

Keywords: North Caucasus, Ottoman Empire, migration, muhajirs, muhajirism, historical Caucasian studies, terminology, discourse.

The terms “mukhadzhir” and “mukhadzhirstvo”, used since about the middle of the 20th century in Russian-language historical Caucasian studies to mean respectively migrants and migrations from the North Caucasus to the Ottoman Empire, at the same time cause certain criticism from some researchers, primarily due to their supposedly inherent religious content and thus the emphasis on the voluntary (Islamically motivated) nature of migration. The article attempts to examine the history of the functioning and specificity of the semantization of these lexemes in the Ottoman-Muslim and Caucasian/Russian discourses in order to clarify the question of the degree to which they correspond to the role assigned to them in the academic literature. The Arabic word “muhacir”, which in the Turkish language denoted settlers in a very broad sense but optionally indicated also the religious and/or forced nature of the displacement, since the mid-18th century was primarily applied to migrants from the territories lost by the Porte, including North Caucasian lands, to the central regions of the state. The perception of the word as a self-designation by the mountaineer migrants occurred in the process of their integration into Ottoman society as immigrants/muhajirs and the formation of a corresponding identity, while its spread in North Caucasian and Russian usage was the result of later importation through contacts of muhajirs with their country of origin. It is concluded that the terms “mukhadzhiry” and “mukhadzhirstvo” remain quite valid and functional umbrella definitions for describing the said migration mobility, while a more precise qualification of individual ethno-local versions and stages of the mountaineer exodus should be achieved through an in-depth analysis of each of them.

For citation: Chochiev, G.V. On the use of the terms “mukhadzhir” and “mukhadzhirstvo” in relation to North Caucasian migrants/migrations to the Ottoman Empire in the 19 – early 20 c. // Izvestiya SOIGSI. 2025. Iss. 58 (97). Pp.32-46. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.003

References

1. Aliev, B.R. Severokavkazskaya diaspora. Istoriya i sovremennost' (vtoraya polovina XIX–XX vv.) [North Caucasian Diaspora. History and Modernity (Second Half of the 19th–20th Centuries)]. Makhachkala, Novyi den', 2001. 294 p.
2. Badaev, S.-E.S. Chechenskaya diaspora na Sredнем i Blizhnem Vostoke [Chechen Diaspora in the Middle and Near East]. Nalchik, Resp. poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2008. 315 p.
3. Ozova, F.A. Mukhadzhirstvo v istoricheskoi pamyati cherkesov [Muhajirstvo in the Historical Memory of the Circassians]. Gumanitarnyi profil'. Nauch. sb. Soveta molodykh uchenykh [Humanitarian Profile. Scientific collection of the Council of Young Scientists]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for the Humanities, 2015, pp. 71–87.

4. Dudarev, S.L. *K voprosu o terminakh "mukhadzhiry" i "mukhadzhirstvo"* [On the Question of the Terms "Muhajirs" and "Muhajirism"]. *Bylye Gody* [Bylye Gody]. 2017, iss. 2, pp. 525–532.
5. Lane, E.W. *An Arabic-English Lexicon*. London, Williams & Norgate, 1893. 3064 p.
6. Baranov, Kh.K. *Bol'shoi arabsko-russkii slovar'* [Large Arabic-Russian Dictionary]. Moscow, Zhivoi yazyk, 2006. 926 p.
7. Kuliev, E.R. *Smyslovoi perevod svyashchennogo Korana na russkii yazyk* [Translation of the Meanings of the Noble Quran in the Russian Language]. Medina, King Fahd Complex for the Printing of the Holy Quran, 1425. 1071 p.
8. Saydam, A. *Muhacir. İslâm Ansiklopedisi*. Ankara, Türkiye Diyanet Vakfi, 2020, vol. 30, pp. 286–288.
9. Ahmed Cevdet Paşa. *Tarih-i Cevdet*. Ed. by D. Günday, M. Çevik. İstanbul, Hikmet Neşriyat, 1993, vol. 1–6. 3000 p.
10. Karpat, K.H. The 'Hijra' from Russia and the Balkans: The Process of Self-Definition in the Late Ottoman State. Karpat, K.H. *Studies on Ottoman Social and Political History. Selected Articles and Essays*. Leiden, Brill, 2002, pp. 689–711.
11. Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.
12. Aristarchi Bey (Grégoire). *Législation ottomane, ou Recueil des lois, règlements, ordonnances, traités, capitulations et autres documents officiels de l'Empire ottoman*. Constantinople, Frères Nicolaïdes, 1873, vol. 1. 427 p.
13. Karpat, K.H. The Status of the Muslim under European Rule: The Eviction and Settlement of the Çerkes. Karpat, K.H. *Studies on Ottoman Social and Political History. Selected Articles and Essays*. Leiden, Brill, 2002, pp. 647–675.
14. Hacısalıhoğlu, M. "89 Göçü" İle İlgili Tarih Yazımı ve Kamuoyu Algıları. 89 Göçü: Bulgaristan'da 1984–1989 Azınlık Politikaları ve Türkiye'ye Zorunlu Göç. Eds N. Ersoy-Hacısalıhoğlu, M. Hacısalıhoğlu. İstanbul, Yıldız Teknik Üniversitesi, 2012, pp. 31–74.
15. Ahmed Emin. *Siyasi Vatandaşlık* (4). *Vakit*, iss. 715, 29.10.1919. P. 1.
16. Redhouse, J.W. *An English and Turkish Dictionary*. London, Bernard Quaritch, 1856. 1149 pp.
17. Redhouse, J.W. *A Turkish and English Lexicon*. Constantinople, Printed for the American Mission by A.H. Boyajian, 1890. 2224 p.
18. Fraschery, Ch.S. *Dictionnaire Turc-Français*. Constantinople, Mihran, 1224. 1208 p.
19. Şemseddin Sami. *Kâmûs-ı Türkî*. Dersaadet, İkdam Matbaası, 1317. 1574 p.
20. Barbier de Meynard, A.C. *Dictionnaire Turc-Français*. Paris, Ernest Leroux, 1886, vol. 2. 899 p.
21. Ahmed Sedad. *Russko-turetskii slovar'* [Russian-Turkish Dictionary]. Constantinople, Osmaniye Printing and Lithography, 1325. 678 p.
22. İpek, N. *İmparatorluktan Ulus Devlete Göçler*. Trabzon, Serander, 2006. 418 p.
23. Karataş, Ö. Çerkeslerin Sivas-Uzunyayla'ya İskânları ve Karşılaştıkları Sorunlar (H.1277–1287/M.1860–1870). Doktora Tezi. İzmir, Ege Üniversitesi, 2012. 388 p.
24. Bobrovnikov, V.O. *Mukhadzhirstvo v "demograficheskikh voinakh" Rossii i Turtsii* [Muhajirs in the "Demographic Wars" of Russia and Turkey]. Vostok (Oriens). 2010, iss 2, pp. 67–78.
25. Gammer, M. *Musul'manskoe soprotivlenie tsarizmu: zavoevanie Chechni i Dagestana* [Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan]. Moscow, KRON-PRESS, 1998. 512 p.
26. Kumykov, T.Kh. (comp.). *Problemy Kavkazskoi voiny i vyselenie cherkesov v predely Osmanской империи (20–70-e gg. XIX в.)*. *Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Problems of the Caucasian War and the Eviction of the Circassians to the Ottoman Empire (20–70s of the 19th c.). Collection of Archival Documents]. Nalchik, El'brus, 2001. 496 p.
27. Kumykov, T.Kh. (comp.). *Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkesov (adygov) v Turtsiyu (1848–1874 gg.)* [Archival Materials about the Caucasian War and the Eviction of the Circassians (Adygs) to Turkey (1848–1874)]. Nalchik, El'-Fa, 2003. 413 p.
28. Magomeddadaev, A. (comp.). *Emigratsiya dagestansev v Osmanskuyu imperiyu. Sbornik dokumentov i materialov* [Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire. Collec-

- tion of Documents and Materials]. Makhachkala, Daghestan Scientific Centre of RAS, 2000. 434 p.
29. Dzagurov, G.A. (comp.). *Pereselenie gortsev v Turtsiyu. Materialy po istorii gorskikh narodov* [Relocation of the Highlanders to Turkey. Materials on the History of Mountain Peoples]. Rostov-on-Don, Sevkavkniga, 1925. 202 p.
30. Fadeev, R.A. *Gosudarstvennyi poryadok. Rossiya i Kavkaz* [State order. Russia and the Caucasus]. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2010. 992 p.
31. Abramov, Ya. *Kavkazskie gortsy* [Caucasian Highlanders]. Krasnodar, Society for the Study of the Adygey Autonomous Region, 1927. 36 p.
32. Kanukov, I.D. *Gortsy-pereselentsy* [Migrant Highlanders]. Kanukov, I.D. V osetinskem aule. *Rasskazy, ocherki, publitsistika* [In the Ossetian Village. Stories, Essays, Publicism]. Ordzhonikidze, Ir, 1985, pp. 61–87.
33. Berzhe, A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* [Eviction of Highlanders from the Caucasus]. *Russkaya starina*, 1882, vol. 33, book. 2, pp. 337–363.
34. Khavzhokova, L.B. *Khudozhestvennoe osmyshlenie temy Kavkazskoi voiny i makhadzhirstva v adygskoi poezii* [Artistic Interpretation of the Theme of the Caucasian War and Muhamajirism in Adyghe Poetry]. Nalchik, Pechatnyi Dvor, 2016. 192 p.
35. Kipkeeva, Z.B. *Karachaovo-balkarskaya diaspora v Turtsii* [Karachay-Balkar Diaspora in Turkey]. Stavropol, Stavropol State University, 2001. 184 p.
36. Chochiev, G.V. *Problema "vozvrashcheniya na rodinu" v severokavkazskoi diaspore v Turtsii (osmanskii period)* [The Problem of “Return to the Homeland” in the North Caucasian Diaspora in Turkey (Ottoman Period)]. *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2021, iss. 6 (1), pp. 61–84.
37. Shami, S. Historical Processes of Identity Formation: Displacement, Settlement, and Self-Representations of the Circassians in Jordan. Iran and the Caucasus. 2009, iss. 1, pp. 141–160.
38. Dzidzariya, G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Muhamajirism and Problems of the History of Abkhazia in the 19th c.]. Sukhumi, Alashara, 1982. 530 p.
39. Hamed-Troyansky, V. Empire of Refugees: North Caucasian Muslims and the Late Ottoman State. Stanford, Stanford University Press, 2024. 340 p.
40. Kanukov, I.D. *Ot Aleksandropolya do Erzeruma (putevye nabroski)* [From Alexandropol to Erzurum (Travel Sketches)]. Kanukov, I.D. V osetinskem aule. *Rasskazy, ocherki, publitsistika* [In the Ossetian Village. Stories, Essays, Publicism]. Ordzhonikidze, Ir, 1985, pp. 96–106.
41. Kolyubakin, A.M. *Materialy dlya voenno-statisticheskogo obozreniya Aziatskoi Turtsii* [Materials for the Military-statistical Review of Asian Turkey]. Tiflis, Gen. shtab Kavk. voen. okruga, 1888, vol. 1. 328 p.
42. Smirnov, K.N. *Poezdka v Severnyi Kurdistan v 1904 godu* [Trip to Northern Kurdistan in 1904]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. 1904, iss. 17, pp. 282–326.
43. Kushkhabiev, A.V. (comp.). *Khrestomatiya po istorii zarubezhnoi cherkesskoi diasporы* [Anthology on the History of the Circassian Diaspora Abroad]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, 2018. 216 p.
44. Totoev, M.S. *K voprosu o pereselenii osetin v Turtsiyu (1859–1865)* [On the Issue of the Resettlement of Ossetians to Turkey (1859–1865)]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. 1948, vol. 13, iss. 1, pp. 24–46.
45. Totoev, M.S. *K voprosu o pereselenii kabardintsev v Turtsiyu* [On the Issue of Resettlement of Kabardians to Turkey]. *Uchenye zapiski Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni K.L. Khetagurova. Vypusk istoriko-filologicheskii* [Scientific Notes of the North Ossetian State Pedagogical Institute named after K.L. Khetagurov. Historical and Philological Series]. 1949, iss. 18, pp. 70–98.